

на в зале. Дирижер на сцене, вступает оркестр.

Последний звук партитуры молниеносно сменяется громом оваций, возгласов «браво», криками, переходящими в визг.

Я не разделяю этих чувств. Мне понравилась стабильность, уверенность, твердость, выдержка. Интерпретация показалась сухой, и, несмотря на, казалось бы, академичный стиль прочтения Георгом Шолти партитуры, оно не соотносится с моим представлением о внутреннем строе музыки Густава Малера (может быть, не давали покоя незабываемые минуты малеровской музыки с Нью-Йоркским оркестром под управлением Зубина Меты?). Не знаю, но общего восторга я не разделяю. Ну не может быть, чтобы никто не слышал фальшивых нот. Ну не может быть, чтобы всем был близок такой Густав Малер. Тогда почему на Зубине Мете стоял такой же ор? И вообще, чего орем?

Почему из всех реакций на события самого разного рода у нас существует только хоровой жанр? Почему, если петь, то только хором? Почему пять лет так называемого плюрализма не научили нас жанрам другим, умению выслушать солиста с тихим голосом?

В семьдесят восьмом вслед за соло, исполненным Альгисом Жюрайтисом на страницах «Правды», вступил целый хор хулителей Альфреда Шнитке и Геннадия Рождественского, осмелившихся «перекрыть» «Пиковую даму» Чайковского. Тогда, на встрече с Альфредом Гарриевичем Шнитке в Институте имени Гнесиных, мы, студенты, задали ему вопрос: «Так что же вы сделали с Чайковским?» «Я дописал антракты, Чайковского не трогал», — клялся композитор, и мы ему верили.

Чего орем?

Сегодня один хор сменил другой. Сегодня Шнитке выступает от лица Чайковского, которого он, по описаниям, приведенным в статье А. Парина («СК», 1.XII.90 г.), так основательно перекроил, а автор статьи о постановке в Баден-Баденском театре провозглашает это событием в русской музыке, премьерой — первой подлинной премьерой оперы, в которой, оказывается, было столько лишнего...

«Шнитке служит гарантом музыкальной целостности новой версии», — утверждает Парин. И попробуй не подхватить хор восторженных голосов по этому поводу — сразу угодишь в друзья к Жюрайтису. Так какой же хор предпочесть?

А если я не хочу подтягивать ни первую, ни вторую и никакую другую партию ни в том, ни в другом хоре? А если мне ближе реплика из Мусоргского: «Чего орем?» Да и вообще, не пора ли сменить декорацию и уйти от массовых хоровых сцен, а заодно и избавиться от психологии строевого пения?

И вообще, чем руководствуемся в оценках явлений искусства? Раньше — понятно. Все было строго ранжировано почетными званиями и должностями в творческих союзах. Это было самое «ценное». А сегодня? Ждем сенсаций? Белое меняем на черное? Или же цветом интеллигенции будем считать тех, кто был зван на встречу с Президентом? Может быть, это скоро будет главным критерием?

В один голос кричим об усталости от чернухи и порнухи. Но она продолжает плодиться, все заслоняя собой. Может быть, хватит кидаться на сенсации, не замечая, что рядом есть что-то еще, может быть, не такое громкое, но не менее ценное? Я-то вообще считаю, что подлинное не может быть крикливым. Его можно услышать только в тишине, в молчании.

Вера КОЛОСОВА.

ОДНАКО...

В МОСКВУ приехал Чикагский симфонический оркестр. Событие. При подходе к Большому залу консерватории, как водится, столпотворение, на тебя кидаются страждущие получить лишний билет.

Не знаю, как на кого, а на меня это действует всегда плохо. Не могу испытывать глубокого удовлетворения только лишь оттого, что попадаю туда, куда другие не могут попасть. И все же чувство ожидания встречи с оркестром, имеющим мировую известность, направляет стрелку внутреннего барометра в сторону «ясно». И вот наконец тиши-

Журан и Анна (прил. к Сов. культуре) - 1990 - 13 рек (и 50) -